

Павел Лоскутов

ВАКЦИНАЦИЯ СОЗНАНИЯ

- Павел Лоскутов

- 1.
 - 2.
 - 3.
 - 4.
 - 5.
 - 6.
 - 7.
 - 8.
 - 9.
 - 10.
 - 11.
 - 12.
 - 13.
 - 14.
 - 15.
-

Павел Лоскутов
Вакцинация сознания

Записки с того света (Повесть)

1.

Алекс устроился поудобней на своем любимом мягком кресле, за которым он старался раньше сидеть не очень часто. Придвинулся к столу. Взял в руки любимую ручку с перьевым наконечником и аккуратно, каллиграфическими буквами начал писать на давно уже подготовленном листе для письма.

Он писал около часа, старательно, не торопясь, чтобы не делать ошибок и помарок.

Ближе к окончанию письма Алекс задумался. Потом так же не спеша дописал несколько заключительных строк письма, в которых простился со своей супругой по заведенному между ними забавному ритуалу, понятному только им, и больше никому. Ее звали Марина, он часто называл ее просто Мари, а ее небольшой портрет стоял справа на столе, около стопки бумаг и держателя для карандашей. Алекс дал письму подсохнуть, потом аккуратно сложил лист вдвое и подложил его под рамку портрета.

Часы на стене пробили полночь, а он все не вставал с кресла. Алекс не отрывал глаз от легкой улыбки Мари на портрете. Потом протянул руку и коснулся пальцем ее волос на глянцевой бумаге. Совсем неожиданно по щеке его скатилась маленькая прозрачная слезинка.

Черт, прорвалась... Он приподнял руку, чтобы вытереть влажную дорожку, но неожиданно остановил свое движение, видимо передумав. Его рука плавно опустилась на стол.

За окном послышался шум проезжающего грузовика, и в момент, когда с приближением машины звук усилился, раздался неопикуемый звон стекла, разбиваемого очень мелким предметом, летящим на огромной скорости.

Алекс понял, что произошло, хотя все равно почему-то удивился. Удивился, как быстро при этом его голова получила толчок, и насколько логичным продолжением

стеклянного звона был брызг иголок в мозг. Именно — “брызг иголок”. Эти слова стали яркой и последней вспышкой сознания в этом мире...

А в его зрачках еще некоторое время отражался портрет Марины с черной диагональной полосой в правом нижнем углу.

2.

Думаете легко умирать? Вы можете только догадываться об этом, но никто не знает точно, что это такое. Что будет там, за порогом обычного вашего состояния, которое называют жизнью. Одни верят в Бога и в загробную жизнь, другие — в перерождения душ, а третьим вообще на все глубоко наплевать и они живут, пока живется, абсолютно не задумываясь о предполагаемой пустоте после смерти... Правильно: если там, после жизни нет ничего, если наступает сплошное ничто, пустота, то есть ли смысл об этом задумываться?

Ошибаются и те, и другие и третьи. А может быть — каждый по-своему прав.

Я могу говорить только о себе.

Меня зовут Алекс. С детства я воспитывался в духе атеизма, и как-то один раз, от бессонницы и безделья во время положенного обеденного тихого часа, на четвертом или пятом году земной жизни на меня вдруг свалилось чудовищное в своей простоте осознание полнейшей пустоты после моей смерти. Просто и незатейливо я представил процесс угасания лампочки моего сознания навсегда. Это можно было бы назвать “Просветлением наоборот”, или — “Анти-сансарой”, я тогда не знал таких умных слов, и маленький мозг мой не захотел принимать всю эту бездну пустоты. Я просто разрыдался в подушку, с наслаждением вытирая такую материальную влагу на своих глазах не менее материальной материей наволочки.

Теперь уже нет того мозга. Он был уничтожен пулей влетевшей в окно и попавшей мне в голову. И нет вообще для меня сейчас ничего материального в той реальности, из которой я материализую для вас эти строки. Вы можете воспринимать их как угодно — как беллетристику, или как откровение с того света, — мне все равно. Я уверен, что каждого ожидает только то, во что он способен поверить и принять своим уровнем осознания реальности.

Там где я нахожусь все очень зыбко непостоянно и расплывчато. Особенно тяжело было в самом начале. Представьте себе сон, из которого вы не можете выбраться. Мыслям очень трудно за что-то зацепиться. Полнейшая невесомость, чем-то напоминающая полет без парашюта при высокой облачности, когда не видно ни земли, ни солнца. И увидеть что-то уже практически не возможно, полет длится постоянно. Вот такое трудное было у меня начало, почти сразу после “брызга иголок”.

Вы слышали о длинных темных тоннелях со светом в конце? Этот затасканный стереотип — просто детский лепет по сравнению с тем, что я ощущал. Для “тоннеля” необходимо два понятия: это пространство с темными полукруглыми сводами, и — время, с течением которого вы преодолеваете это пространство по пути к Свету. Такое, наверное, в самом деле, ощущают те, кто еще не потерял возможности вернуться в свое тело. Вот только что бы они сказали, если бы в их головах несколько грамм свинца проделали пару сквозных вентиляционных отверстий? Наверное, они бы уже не вспоминали про человеческую систему координат пространства и времени. Слишком простым это мне кажется сейчас. Если вы из ярких материалистов, то бестелесный полет из ниоткуда в никуда может продолжаться всю вашу загробную жизнь (а точнее — загробную вечность, что намного страшней), пока не найдется силы, чтобы прекратить его простой силой духовной мысли. Вы будете лететь среди необозримых бесконечных пространств, наполненных вашим ужасом, и вам останется только два выхода — или “зажмурится”, отключившись навсегда, подобно перегоревшей лампочке, или поверить хоть во что-то. Очень сильно поверить. И тогда, вполне возможно, возникнет ваш любимый тоннель со Светом в конце, и вы начнете свой путь по нему к Своему Богу. Или еще к кому-нибудь, к кому вы собирались после смерти — от любимой тетушки, до 72 девственников. Только, не забывайте, что тела у вас не будет, да и у девственников тоже, в обычном, земном понимании этого слова. Так что очень глупо мечтать о земных радостях здесь. Можно забыть о сигаретах, выпивке, травке, шикарных женщинах, дружеских посиделках у

костра, курортах, гостиницах, прислуге, о машинах, лайнерах и вообще о любой собственности. Максимум можно задуматься об океанических бризах и альпийских лугах. Каким бы праведником вы не были, если вы намертво привязались к собственности и материальному миру — вам останется только потухнуть, потому что иного выхода для вас здесь нет. Возможно, потом произойдет ваше возрождение в другом теле, но что вам от этого толку, если памяти о предыдущей жизни не сохранится? Так что, если не хотите потухнуть навсегда — попробуйте осознать перед смертью — зачем и к кому вы сюда идете. Я думаю, что это сильно поможет.

Лично я в какой-то момент поверил в вероятность загробной жизни, и подумал о том, чтобы встретить свою любимую (или хотя бы ее душу). Нам было мало отпущено времени в материальном мире... Она ушла от меня во многом по моей вине, и намного раньше отведенного человеку срока. Для меня это было сильнейшим ударом. Очень сильным, просто непереносимым... Я уже плохо помню те дни моей жизни. Да и не о них мне хочется дальше рассказать. А о том, что произошло после того момента, когда пуля, к которой я был уже почти готов, устроила мне “брызги иголок” в разрушающемся мозгу и возвестила торжественным звоном об открытии мне визы в страну, откуда обычно не возвращаются.

Да, и обратите внимание, уважаемые господа: это не было самоубийством!

3.

В начале все всегда не привычно и время течет дольше. Первый день отдыха в летнем детском лагере или на взрослом курорте всегда кажется невероятно длинным. По окончании такого дня, мне всегда казалось, что прожито уже много времени в этом новом, неизвестном ранее месте. Это потому, наверное, что резко увеличивается набор впечатлений на ту часть мозга, которая отвечает за восприятие внешней среды вокруг нас. Приемник впечатлений об окружающей обстановке в нашей голове, работавший ранее со скоростью, скажем, 2-3 новшества в час, вдруг получает импульс из сплошных новшеств, падающих со всех сторон, как снег во время бурана... И мы ходим, почти не моргая, с широко раскрытыми глазами, и впитываем все, что видим и к чему можем прикоснуться, субъективно замедляя этим текущее сквозь нас время. Инерционность мышления — великая вещь. Особенно четко это понимаешь, наверное, уже тогда, когда осядет в нашем, уже абсолютно свободном от тела сознании, вся эта муть, которую условно можно назвать травмой смерти. Естественно, что травма эта — психологическая. Осознание того, что тела уже нет, и твоя душа беспомощным слепым котенком барахтается в огромном чуждом, непонятном и враждебном мире, очень сильно шокирует. Даже не смотря на то, что все ощущения притуплены и туманны.

Долгое время ты уверен, что находишься во сне. Но сон не кончается. Почти с самого начала он невероятно тяготит своим постоянством и какой-то стабильностью, не присущей земным снам. Но самое неприятное и шокирующее то, что проснуться не возможно. Тебе нечем себя ущипнуть. Да и к тому же, нет того, за что обычно себя щипают в материальном мире. Нет тела. В этом и заключается весь ужас, когда происходит осознание того, что все уже потеряно безвозвратно: родные, друзья, работа, хобби, весь мир и ты в том самом мире. Ничего нет, кроме бесконечной пустоты вокруг и размытых начал

ее осознания. К счастью, это не надолго. Затем душа, наконец, осознает, что с ней произошло, пускай осознает с истерикой, шоком, как новорожденный, которому только что перерезали пуповину...

Постепенно включаются механизмы, для адаптации и жизнедеятельности в новом мире. И так же, как и у родившегося — первый вздох совмещается с криком ужаса и дискомфорта, граничащего с болью. Это если “новорожденный” все же имел счастье родиться, а не умереть во время родов, не желая терять того состояния, что у него было, страшись нового и неизведанного.

Вот я не испугался, и теперь имею возможность рассказать об этом спокойно и без лишних эмоций.

Первой моей мыслью, после того, как спала туманная пелена страха и паники перед неизведанной и непостижимой бесконечностью пустоты и не материальности всего окружающего, было воспоминание о том, что здесь я должен найти душу свой ушедшей женщины.

И почти сразу появились Ангелы. Точнее — они были и раньше, но их присутствие не ощущалось мной, наверное, из-за неумения этого делать. Это были даже не первые шаги, а первые вдохи и выдохи вновь прибывшего, и первые образы на сетчатке еще замутненных послеродовой субстанцией зрачков. Ангелы, (что вполне естественно), виделись мне тремя сгустками мягкого, не слепящего света. Это потом я уже научился наделять все окружающее его естественной внутренней формой, или моим восприятием этой формы, если я хотел выразить этим свое отношение. А пока были только несколько сгустков света, следящих за мной. Один из них произнес мягким и доброжелательным голосом:

— Приветствую тебя, Один-из-нас!

Голос прозвучал как бы внутри меня, тихо, но отчетливо.

Я был еще слаб, растерян и с трудом ориентировался, поэтому мои ответные слова были похожи на рвотные

массы, содержащие полупереваренные остатки моей былой материальности:

— Кто вы?

— Мы такие же, как и ты, но находимся здесь давно. Мы рядом с тобой сейчас для того, чтобы помочь и поддержать тебя в самом начале, если ты этого захочешь.

Мне трудно еще было выражать свои новые эмоции на новом “языке”, но я очень старался.

— Я ищу человека... Женщину... Поможете мне?

— Не все сразу, Один-из-нас. Сейчас ты еще нуждаешься в помощи другого рода. Мы будем находиться рядом и отвечать на некоторые твои вопросы, учить, если ты захочешь. Первая ошибка: здесь нет женщин и мужчин в материальноопределенном смысле. Лучше говорить — я ищу “Одного-из-нас-чье-Сознание-было-женским”.

Это здесь, на бумаге и человеческими словами — сказанное ими так неуклюже и длинно. На “небесном языке” все было кратко, просто и понятно. Но мне все равно как-то не очень понравились их поучения. И тяжело пока приходилось с общением, выражением своих мыслей в понятной для них форме.

Но я продолжал беседу, сосредоточившись максимально. Комочки света в этот момент приобрели немного красноватый оттенок и продолговатую форму.

— Как мне найти человека... (я запнулся), — который тоже умер?

— Одного-из-нас...

— Да... Одного-из-нас. Как мне найти?

— Ты не сможешь найти того, кто сам этого не захочет.

— Захочет...

— Тогда, найдешь, но не сразу. Сначала ты должен многому научиться. Хотя бы для того, чтобы тот, кого ты ищешь, захотел с тобой встретиться.

И тут я заметил, что мои собеседники начали понемногу приобретать более четкие формы. Иногда мне даже казалось, что, хоть и смутно, но я различал, как открывается рот во время разговора у одного из них. Внешне они были мужчины, а одежда почему-то напоминала китайские военные френчи. Да и тот, что больше говорил, был больше похож на китайца. Все это было еще достаточно зыбко, и расплывалось, если я терял концентрацию. Но по мере того, как они сообщали мне, что здесь, в этом мире, все окружающее может “настраиваться” под мое привычное восприятие, (если я того захочу), я начинал “видеть” все больше и больше. Все зависит от воображения. Я потихоньку учился “одевать” их в тела, которые мне хотелось видеть. Я ведь способный очень, с хорошим воображением. И они это отметили. И еще добавили, что сейчас мне так просто все дается именно потому, что они пришли ко мне, вновь прибывшему, “абсолютно пустыми”, то есть, не излучая на меня своих представлений о том, как они должны выглядеть в моих “глазах”.

И тогда я занялся “творением себя” в их глазах. Поначалу было очень тяжело представить себя в каком-то определенном образе. Я неумело лепил из комка белой ваты что-то, отдаленно напоминающее формой человеческий манекен. Выделял из туловища голову, руки и ноги. На этом уровне детали были не очень важны. Главное — чтобы они меня “увидели”, пусть пока в виде призрачного силуэта. Но и они не торопили, говорили, что у меня еще куча времени.

А потом они меня усыпили и ушли. Все правильно: младенцы должны по долгу спать в начальном периоде своего существования. Даже если он еще и сообразить толком не может, что это такое — его существование в изменившихся условиях.

4.

Самое интересное, что там, за чертой жизни, где все вокруг так фантасмагорично, не четко и нереально — там тоже снятся сны. Разные: плохие, хорошие, приятные и кошмарные — все, как в обычной жизни. Именно поэтому очень тяжело просыпаться. Похожим образом, наверное, просыпаются несчастные в хирургических отделениях больниц. Они ведь не сразу осознают, что на месте ноющей ноги или руки уже ничего нет, только примятое одеяло, и фантомная боль. Боль, которую не заглушить ничем, потому что болит та часть тела, которой попросту уже нет.

Поэтому, нет смысла объяснять, как я чувствовал себя, просыпаясь непонятно где, да еще с полностью ампутированным телом! Особенно поначалу, когда в точности повторились уже пережитые ранее дезориентация, шок и смятения чувств. Некоторое время казалось, что это просто переход из одного сна, «нормального» в другой, убивающего своей нереальной реальностью — сон про «тот свет».

Не сразу, постепенно но неотвратно до сознания доходит, что все, мол, братишка, приехали — конечная: больше на сегодня пробуждений не будет.

Особенно тяжело, если снится что-то хорошее, земное, материальное, «настоящее», но, к сожалению, потерянное навсегда.

Вот так я просыпался. Не помню даже, что мне снилось. Но нужно было как-то приходить в себя, осваиваться в новых условиях. В конце концов — у меня была четкая цель, которая не давала впадать в уныние и угасание от безысходности.

Я окинул своим младенческим замутненным взором окружающее пространство. Вокруг была полнейшая туманная пустота. А что делать, если вокруг пустота, а ты находишься в поиске? Естественно — нужно куда-то

двигаться. Двигаться вперед, строго в одном направлении, не сбиваясь в какую-либо из сторон. Ведь почему люди часто блуждают в лесу? Шаг одной ноги немного длиннее другой, и в масштабах больших расстояний, без видимых ориентиров, человек сбивается, делает большую дугу, плавно переходящую в круг. Далее человек уже ходит по огромному «заколдованному» кругу. «Леший водит» — говорили в таких случаях в люди старину.

И вот, чтобы никакой леший меня никуда не завел, я плавно полетел вперед, вдоль воображаемой прямой линии. Насколько прямой эта линия была в действительности — было не известно.

Лететь пришлось очень долго. Ничего не происходило и не менялось вокруг. Казалось и время тоже остановилось. Двигался ли я вообще? Скорее всего — да, особенно, когда я сосредотачивался на движении вперед, на свободном полете с максимально возможной здесь скоростью.

Скорость было трудно определить, даже приблизительно, так как не было встречного ветра, развевающего волосы.

Скорость, думаю, была не маленькая, но когда я отвлекался на мысли о том что со мной происходит, о том что делать дальше, и как быть — в этот момент я скорее всего останавливался. А может быть даже возвращался обратно в исходную точку — ничего нельзя было с уверенностью утверждать. Потому что ориентиров не было. Ни ветра, ни дорожной разметки, не говоря уже о самой дороге.

Только туманная пустота и прямое движение вперед, перебиваемое «стоп сигналом» мысли, пытающейся осознать свое состояние и местоположение...

И в этот самый скучный, пустой и беспросветный момент моего повествования, настало время, наверное, рассказать о том, что может быть уже давно волнует взыскательного читателя этого повествования. Рассказать, как получилось, что я не совершая самоубийства,

догадывался о приближающемся конце, и не смог или не захотел его предотвратить.

5.

Я работал в Кабинете Министров помощником министра национальной безопасности. У нас с ним были отличные, можно сказать, дружеские отношения. Часто мы могли неформально задержавшись после работы, выпивая чай или коньяк, часами обсуждать сложившуюся ситуацию. А ситуация была не простая.

Министр был хороший мужик: честный, неподкупный и принципиальный. В политике такие, как он надолго не задерживаются. Разве что, если обладают сильнейшим чутьем и огромной волей к борьбе. Но и тут встает вопрос: как преодолеть брезгливость к окружающим тебя карьеристам, или, к примеру, — помочь людям, реально нуждающимся, при этом не подставив себя перед системой, не позволяющей этого делать.

Система редко где бывает совершенной. Еще менее совершенной она становится, когда к ее управлению подбираются беспринципные проходимцы, жаждущие власти ради обогащения, или (что еще хуже) ради удовлетворения своего необычайно разросшегося эго.

Или, бывает, обидел каким-то образом мир человека в глубоком детстве, и вот он уже взрослеет, мужает, и рвется к власти по головам и судьбам других людей, нарушая земные законы морали и духовные заповеди. Рвется, чтобы дорвавшись в итоге, — отомстить за свои детские психологические травмы и комплексы.

Так вот, ситуация была непростая, потому что такой вот беспринципный проходимец был тогда на расстоянии шага от поста Премьер-министра. И единственным, кто мог бы его остановить, оставался мой шеф. Я убеждал как мог своего патрона внимательней отнестись к претенденту: хорошенько взять его в разработку на предмет компромата. Я чувствовал за овечьей маской простака из народа сущность беспощадного хищника, который может убивать не только для того, чтобы

насытиться, но и просто ради своего извращенного удовольствия.

Результаты легальной оперативной разработки были неутешительные. Претендент был или чист, или тщательно заметал следы своей нечистоплотной деятельности. К тому же он завел себе много приятелей и единомышленников в смежных министерствах и ведомствах (возможно играя на слабостях и обещая всем золотые горы), что еще больше запутывало нас.

Оставалась только возможность проверки посредством нелегальных операций. Ясно дело, что это было незаконно. Шеф много думал, ему трудно было санкционировать меня на эти действия, даже не смотря на то, что я все делал бы сам, а знали бы об этом только два человека. Это была моральная дилемма: все равно, что украсть у соседа ружье, чтобы пристрелить бешеную собаку. А если собака окажется не бешеной, или сосед застукает тебя в момент кражи? Стоит ли риск не полученного крупного вреда тех маленьких преступлений, которые помогут этот риск избежать?

Я убеждал шефа как мог, приводя самые немыслимые аргументы, и наверное все же не убедил бы, если б не то страшное, чудовищное событие...

Очень трудно об этом вспоминать... Видимо я совершил какую-то ошибку в своей разработке и засветился. В общем, они ворвались в мой дом и похитили жену. После свадьбы не прошло и года. Они похитили мою Марину, в которой я не чаял души. Я рвал и метал, бросался в беспамятстве на державших меня охранников резиденции, пьяный пытался идти с травматическим пистолетом на штурм ... Вообще это все вспоминается с трудом.

От глупостей меня спас шеф, но что с того толку, ведь нельзя было уже воскресить жены, которую лишили жизни боевики по указанию, поступившему из окружения мистера П. Так я называл своего врага во время разработок. В дальнейшем слово «Дьявол» мне казалось слишком пресным. За Мари не просили даже выкупа. В

причастности к этому преступлению людей из круга Дьявола я был уверен, поскольку в доме обнаружил надпись на обороте одной из книг: «не лезь не в свои дела, щенок». Таким образом мне пытались сделать предупреждение, мало задумываясь о том, что сами близки к подписанию себе приговора. Потому что самый опасный соперник, это тот, которому уже нечего терять. Их туповатым и мелочным душонкам подобное было не понятно.

Возможность мести привела меня немного в себя и мы разработали с шефом многоходовую комбинацию. В общих чертах суть ее была в том, чтобы использовать меня в качестве «подсадной утки». При этом можно было брать не только бандитов-исполнителей но и предъявлять обвинение заказчикам, и навсегда выводить из политики опасного претендента в Премьер-министры.

Специфика этой операции была еще и такова, что чем больше я рисковал, тем больше была вероятность успеха. И я понимал, что врагами разрабатывается мое убийство. И так как часть планирования нашей контр-операции зависела от меня, то пришлось, никому не говоря, немного «подкрутить настройки» так, чтобы план был выполнен с максимальной вероятностью. Я оставил себе маленький шансик, чтобы остаться живым и огромный шанс для наказания всех причастных мерзавцев. И хотя смерть отрезала у меня возможность убедиться, что план сработал, сомнений в том, что беспринципный подлец будет арестован, у меня не оставалось. Все было продумано четко, до мелочей. И если бы что-то не сработало, я бы остался жив. При этом фактически это никак не могло быть самоубийством.

Еще быть может у кого-то остался вопрос: а с чего это я решил, что существует загробная жизнь, и мне представиться возможность встречи там с Мари? Ничего я не решал. Да и в том состоянии выбора у меня практически не было. Солдаты, рискуя на войне своей жизнью, имеют два способа приблизить встречу со своей семьей. В качестве живого победителя или в качестве начинки цинкового ящика. А если враг убил всех дорогих

ему людей, то солдату главное — победить. И если на алтарь победы нужно положить собственную жизнь, то для многих солдат в такой ситуации такая цена приемлема.

6.

Прошло несколько часов, или точнее сказать несколько сотен циклов моего стремительного движения вперед и остановок по дороге из ниоткуда в никуда. Но, если очень упорно передвигаться по данному маршруту, рано или поздно куда-нибудь придешь (или в крайнем случае вернешься).

И я пришел. Но, куда именно было не понятно. Вокруг ничего не изменилось: все тот же сплошной белесый туман обволакивающий пространство. Но я слышал какие-то голоса. Точнее — многоголосый гул, в котором очень трудно было разобрать один какой-нибудь голос, тем более невозможно было понять что именно говорится, и, даже — каком языке...

Голоса сначала были едва слышны, но по мере моего продвижения вперед, становились все громче и громче. Но не смотря на это, разобрать хоть несколько знакомых слов в этой какофонии одновременно говорящих было невозможно.

Я продолжал двигаться вперед, надеясь так найти эпицентр голосов, но постепенно они начали стихать. Это означало, что я пролетел мимо места, где они были слышны лучше всего.

И тогда я вернулся. Ничего не изменилось в однообразном пустынном пейзаже вокруг. Голоса продолжали что-то вещать, но как я ни напрягался, увидеть кого-либо было не возможно. А мне необходимо было найти людей, поговорить с ними, расспросить об этом загадочном, новом, абсолютно пока не понятном для меня мире. В конце концов куда подевались недавние знакомые — Ангелы в китайских френчах? Они же обещали мне помогать. Тоже мне — помощнички: наобещали с три короба, а сами пропали!

Я настроил как можно выразительнее свое визуальное отображение и насколько мог громко крикнул в гудящее

вокруг меня многоголосое пространство:

- Эй вы слышите меня? Почему я никого не вижу?

Ничего не произошло. Абсолютно. Как будто все эти говорящие голоса были записаны на магнитофонную ленту.

Времени здесь у меня было предостаточно, поэтому я несколько раз повторил свои попытки обратить на себя хоть чье-нибудь внимание в этом неприветливом мире. Я громко орал носился кругами, размахивая своими непропорционально огромными руками. Да, я специально «отрастил» себе большие руки, чтобы хоть этим привлечь к себе внимание. Зрелище было еще то! Я, наверное, напоминал сумасшедшего в смиренной рубашке с развязанными рукавами, болезнь которого не дает ему увидеть окружающий мир. Ни коллег-пациентов, ни усталых медсестер с добрыми глазами...

Мои старания не пропали даром. Вскоре я услышал голос, который обратился ко напрямую мне:

— Ничего себе, какой крикун тут нарисовался! Ты что вновь прибывший?

Я обернулся вокруг своей оси. Вокруг никого не было — все тот же унылый и неизменчивый пейзаж.

— Да, я недавно. А почему меня никто не слышит? И почему я не вижу тебя?

— Меня ты не видишь потому что еще мал, да неопытен.

— Понятно... Вроде были двое... Ангелы что ли, в китайской одежде, обещали научить, да куда-то пропали.

— А ну это да. таких добровольцев на всех уже не хватает. Да и, к тому же, с Матмира в последнее время поступления вас таких увеличились. Опять, наверное, какую-то войну затеяли.

— С Матмира?

— Ну да. Материальный Мир сокращенно если. Этот мир, как ты уже, наверное, понял, — совсем не

материальный.

— Да это понятно. А что это за место здесь, где я голоса слышу, а меня никто не слышит?

На некоторое время голос, общавшийся со мной, замолчал, наверное обдумывая ответ. Вскоре я его снова услышал.

— Знаешь что. Давай договоримся — баш на баш. Я тебя буду учить, а ты мне будешь давать кое-что. Договорились?

— Да не вопрос. А что я тебе могу давать? — немного подумав, спросил я.

— Золотой песок. Смотри, все просто. Ты должен всего лишь мысленно представить свое тело состоящее из плотного сырого золотого песка.

Возьми его, зачерпни в ладони от себя и протяни мне, на голос.

— Я сосредоточился. Это оказалось совсем не трудно. И, хотя чувствовался какой-то подвох, я зачерпнул из своего «песочного» тела совсем немножечко песка и протянул.

Золотой песок сразу же исчез, причем с каким-то странным звуком пневматического привода дверей. Как будто мой собеседник всосал песок в себя.

— Ну что получил песок? — спросил я. — И, кстати, как тебя зовут?

— Меня зовут Захар. Получил. Спасибо. Спрашивай.

Я задумался. Необычное, редкое имя. Ну да ладно, здесь вообще-то все вокруг необычное.

— Так почему я тебя не вижу? — повторил я вопрос.

— Потому что у тебя нет того уровня опыта, который бы позволял меня увидеть.

— Ну это я и так понимаю. А как мне этот уровень побыстрее получить?

— Это уже второй вопрос. Надо еще б песочку подсыпать... Да и прошлый раз ты совсем мало дал, явно пожадничал.

Я задумался. Не нравилось мне его такая жуткая прагматичность. Но что делать, если любая ценная информация мне сейчас нужна как воздух. С другой стороны, что я теряю отдавая воображаемый золотой песок. Нужен ли он мне самому, и для чего? Восполняется ли он? Наверное нет, раз этому Захару он так нужен и так ему этого песка не хватает.

Немного позже я задал ему эти и другие вопросы, отделяя от себя и передавая ему пригоршнями золотой песок.

Захар уверял, что запасы золотого песка в человеке восстанавливаются, хоть и не очень быстро. Ему эта субстанция нужна, чтобы смотреть «материальные сны». Это сновидения, которые на некоторое время могут возвращать нас в забытый материальный мир своими явственными ощущениями. Таким образом люди могут хоть и не на долго, но все-таки возвращать то, что они ощущали при жизни, чувствовать касания материального мира.

Золотой песок, конечно, нужен не для того, чтобы вернуть себе материальность. Точнее не только для этого. Но с каждым новым кольцом опыта открывается новое предназначение для золотого песка. А, и чуть не забыл, самое главное: «кольцо опыта» — это как на срезе дерева внутри себя можно обнаружить такое кольцо, если сосредоточиться. У себя я обнаружил только одно такое кольцо, а у Захара их было два. Люди с меньшим количеством колец опыта, как правило, не могут здесь видеть тех, у кого их больше. Если только более опытные сами того не захотят. А что это за говорящие голоса вокруг он или не знал, или не захотел рассказывать.

Я попросил Захара научить меня материализующим снам. Он охотно согласился. Естественно, что согласился не за красивые глаза, а за любимый свой золотой песочек.

Техника материализующего сна была весьма оригинальна, как и большинство техник управления сознанием или телом в этом мире. Достаточно было перед засыпанием явственно представить себя внутри перевернутой темной пирамиды — и все.

Естественно, что сон приходил не сразу, но зато когда приходил, то был настолько реалистичным и «живым», что не могло быть и сомнений в том, что все происходящее — реально.

Реальными в том первом сне у меня были и вкусный обед, и отдых на берегу реки с удочкой, управление автомобилем, а затем — прикосновение к груди любимой женщины... У-у-у, я наверное, даже взвыл от отчаяния, когда проснулся.

Это было как какой-то наркотик. Я теперь хорошо понимал такую алчность Захара по отношению к золотому песку. По сути, этими деньгами мы могли заплатить за кратковременное воскрешение, за возможность немного снова пожить земной жизнью. Вдохнуть полной грудью сладкого воздуха жизни, которой мы раньше не могли оценить по достоинству.

На следующий день... Ах, да, следует сказать, что «день» здесь понятие условное — по-сути это временной цикл от бодрствования ко сну. Сколько времени при этом он длится — неизвестно, часов же здесь нет. Как нет солнца и будильника, который бы мог в заданное время вырвать тебя из объятий Морфея.

Так вот, после того сна я заметил, что потерял куда больше своего золотого песка, чем это мог предположить. С такими «путешествиями в реальность» можно очень скоро лишиться всего песка — этой своеобразной

конвертируемой валюты здешнего мира. Получается, что передо мной стал вполне определенный выбор: или быстро истратить свои запасы золотого песка на постоянные возвращения в мир земных ощущений, или. Или что? Ну, к примеру, я мог бы покупать какие-то знания у Захара. Знания — ведь это тоже очень хороший капитал, который при грамотном использовании может возместить любые потери. Но и тут возникла проблема...

Захару с его знаниями было очень далеко даже до практиканта местной академии наук, если бы таковая должность и такое заведение здесь было. То есть, попросту говоря, он слишком мало знал. Впрочем, чего можно было еще ожидать от двух колец его опыта. Он просто уже не мог отвечать на мои новые вопросы. И если начинал выкручиваться, придумывать что-то на ходу — я сразу же это замечал и отказывался от подобных ответов.

Так вот, когда Захар осознал, что уже мало чем может быть мне полезен, то проговорился про Озеро Мудрости. Мол купание в нем многим добавляет знаний об этом мире. Правда, добавляет не всем одинаково. Может даже вообще не добавлять. И вообще дело с этим озером довольно рискованное: есть опасность вообще из озера вылезти сумасшедшим.

— Откуда ты знаешь? — спросил я — Ты купался в нем?

— Нет, я не рискнул. Тем более я тогда как раз получил второе кольцо опыта. Мне на тот момент новой информации и так было предостаточно, да и рисковать не хотелось.

— А кто тебе об этом рассказал? О самом озере, о том как оно действует, и о том что можно с ума сойти?

— Да был один человек. С тремя кольцами. Шел с Севера на Юг. Я за ним увязался тогда. И тоже, вот как и ты сейчас, я ему вопросы разные задавал. Много песка на это дело извел. И вот на это самое Озеро мы и прибыли. Круглое такое, не очень большое... Вода в нем плещется, как в настоящем земном огромном озере, а что под водой

— не видно. Он тогда в нем искупался, а я не рискнул. Тем более, что вылез он из него какой-то странный. Вылез, отряхнулся, сказал чтоб я за ним больше не следовал, и метнулся стрелой обратно в сторону Севера, да так, что и не угонишься.

Одним словом, вскоре было решено, что он мне к этому Озеру Мудрости поможет добраться. Ну, естественно, поможет не бесплатно, но в этом случае терять время на мелкую торговлю мне совсем не хотелось.

Дорога до Озера мудрости заняла несколько дней. В принципе здесь так и называли эти самые циклы сна и бодрствования. Как я уже отмечал, день здесь заканчивался примерно в тот момент, когда появлялось желание спать. И, кстати, я почти всегда засыпал раньше Захара. Был, правда, один раз, когда я услышал под самый конец дня вместо его обычной болтовни равномерное посапывание. «Так вот как здесь засыпают» — только и успел подумать я прежде чем сам провалился в сон...

Тогда мне приснился кусочек детства. Это было что-то похожее на искусственный водоем. Точнее сказать, это была просто глубокая, метра под три, траншея, около моего дома, которую выкопали рабочие, чтобы проложить трубы или какие-то там коммуникации. С одной ее стороны была гора из песка и глины, выброшенных экскаватором на поверхность. Но работы были приостановлены из-за затянувшегося на неделю-другую дождя.

Когда в один из дней дождь прекратился, мы с ребятами, изголодавшиеся по прогулкам, высыпали во двор. Конечно же, одним из интереснейших мест для игр стало место около той самой траншеи. А она за время дождя превратилась в маленький, но очень глубокий карьер, заполненный мутной, коричневатой от глины водой. Мы бегали вокруг, пускали, кораблики, бросали булыжники, пытаясь по булькающему звуку представить себе глубину, на которую уходит под воду камень.

Самое опасное место было на искусственном пригорке из насыпанного песка и скользкой глины. Но дети не чувствуют опасности, а иногда даже притягивают ее к себе... Во время рискованной пробежки по краю этого пригорка, я поскользнулся и чуть не плюхнулся в траншею. Сработало хорошее чувство координации, и я распластался на пригорке, плавно соскальзывая к воде. Мои ботинки даже погрузились в воду. Но я не

запаниковал, не стал делать резких движений. Плавно переместившись на более пологую сторону пригорка, я осторожно начал отползать все дальше и дальше от края. Вскоре на помощь мне подоспели приятели. Протянули руки, помогли выкарабкаться из опасного места окончательно.

Из-за намоченных ног и обуви родители запретили мне выходить на улицу несколько дней. А потом меня выпустили...

.И, кажется, в тот же день я сходил попрощаться с мальчишкой из общежития, который утонул в той траншее на следующий день после моих приключений. Я совсем его не знал, он был не из моей компании, возможно, на пару лет младше меня. Но когда я увидел его в полутемной комнате, лежащим в маленьком гробу в окружении безутешных родственников, мне казалось что он весь состоял из той светло-коричневой глины, которая

чуть не поглотила меня перед тем, как сделала это с ним.

Детские воспоминания вошли в мой сон, глубоко перемешались с ним, и как будто выступили предостережением перед встречей с Озером Мудрости. Было страшно. Но отступить было нельзя.

И вот в середине одного из дней мы добрались до Озера. Оно в самом деле было похоже на то, что можно было назвать озером в реальном мире, только у него не было берегов. Плоской водяной поверхностью оно висело в пространстве как огромная, немного вязкая капля очень плотной жидкости. Из любопытства я даже заглянул под него с низу. Ничего необычного — мутно-серая поверхность немного напоминающее облако перед дождем. Мне подумалось, что если я в него нырну, то вряд ли выплыву снизу пройдя сквозь эти «облака». По окружности оно было не очень большим — не больше футбольного поля. Но при этом по его поверхности, действительно, шли небольшие волны, гонимые не видимым и неосязаемым ветром от его центра к краям. Поэтому вид поверхности Озера, его странных волн

идущих из центральной точки кругами к берегам представлял завораживающее зрелище уже сам по себе.

Захар сказал, что может быть тоже нырнет, но только после меня. Прагматичная позиция — что еще сказать. Сначала он посмотрит что озеро сделает с моим сознанием, а потом уж — кто его знает, почему бы и не рискнуть!

Я не стал долго откладывать, чтобы не растерять свою накопленную решимость. Собрался, зажмурился (мысленно, как наяву), как в детстве, перед прыжком в холодные воды деревенской речки, и ухнул в пучину Озера Мудрости.

Пучина — это оказалось еще слишком мягким определением того пространства, в которое влетел! Нельзя было сказать, что вокруг оказалась вода. Хотя бы просто потому, что изменилось не только само пространство вокруг, но и все чувства, которыми я мог его ощущать.

Мой слух стал видеть воду Озера Мудрости на ощупь — вот какой парадоксальной фразой я описал бы свои ощущения в тот момент! Но и эти слова, и миллионы других не смогли бы передать то, что со мной происходило.

Я падал вниз в этом бесконечном сером туманном пространстве, наверное, несколько дней... Время тоже здесь текло абсолютно по-другому, по своим неведомым законам. По крайней мере для меня субъективно прошло именно столько времени, сколько нужно, чтобы освоится со своими новыми ощущениями. Скорость падения вниз при этом не уменьшалась, даже наоборот, — плавно увеличивалась.

Еще нужно сказать про эмоции. Я переживал во время падения поочередно всю гамму человеческих эмоций. От радости и эмоционального подъема первого поцелуя до ненависти к врагу, или предсмертного страха. Мне становилось то грустно, то смешно. Была всепоглощающая ненависть к убийце родных людей и нечеловеческое всепрощение на грани идиотизма. Еще была и брезгливость к самому себе за какое-то низкое предательство. Да чего только не было в эти моменты неповторимой игры этого калейдоскопа чувств!

Потом начался период телесных ощущений и деформаций. Я даже сам не заметил, когда у меня начало появляться тело. Причем тело чужое, не человеческое!

Отчетливо помнится мой ужас, когда я превратился в муху. Я прекрасно и явственно тогда ощущал свои крылья и лапки, смотрел на окружающий мир огромными

коричневыми фасеточными глазами. И абсурдность происходящего сначала до меня не доходила, может быть именно потому, что я думал в тот момент своим слаборазвитым мозгом мухи! Хотя при этом где-то рядом находилось и мое настоящее сознание, находилось как бы вне тела, но в тоже время было связано с ним тончайшей ментальной пуповиной, не дающей мне превратиться в муху окончательно.

И вот так я падал как сонная муха, сбитая с парашюта небоскреба мойщиком окон. Падал до тех пор, пока моя мушиная сущность не начала расправлять крылья и пытаться оседлать воздушный поток. И вот вскоре я полетел, как летает настоящее насекомое! И если бы не примитивный мозг в тот момент времени, я бы наверное вспомнил роман какого-то фантаста о том, как один изобретатель, превратился в муху из-за того, что это насекомое случайно залетело в камеру для экспериментов по телепортации.

Но на этом мои сюрреалистичные деформации не собирались заканчиваться.

Я поочередно превращался в различных животных и так же, как и в случае с мухой ощущал окружающий мир их органами чувств. Я махал их крыльями, и лапами, крутил хвостами, перебирал щупальцами и плыл с помощью плавников!

Одно животное за другим вселялось в меня после того как я «осваивал» управление всеми его органами. Это было невообразимая череда ощущений! Было интересно, но в то же время немного жутко. Пугала мысль: а что если вдруг эти превращения резко прекратятся — неужели я останусь животным навсегда? Вспомнился индуизм с его перерождениями в различных животных в зависимости от того, какую карму ты себе заработал в прожитой жизни...

Но животные менялись не хаотично, а в определенном порядке. От мелких, до все более крупных. Я был медведем с мощными мышцами, и подслеповатым, но опасным носорогом. Был я (что вполне закономерно) — и толстокожим слоном, с нежным и чувствительным, как

человеческий язык, хоботом, покрытым редкими жесткими волосами...

Естественно, вскоре дошло дело и до огромного кита. При этом вернулось ощущение погружения в пучину. Многокилометровая толща воды как обручем сжимала мое грузное тело. Было очень сложно в таких условиях справиться с многотонной тушей. Меня крутило вокруг своей оси, разворачивало под разными углами и все это при увеличивающемся давлении. Долгое время я даже не мог понять, где находится верх, а где — низ. И только направление погружения — строго вниз — хоть как-то ориентировало меня.

Я выпустил из своих легких фонтан смеси воды и углекислого газа, и, как можно громче издал инфразвуковой стон, зовущий на помощь невидимых сородичей — других китов... Но, увы: никаких китов больше в Озере Мудрости не плавало. Некому было мне помочь. И я, напрягая все мышцы корпуса, плавников, хвоста (которые когда-то на заре эволюции предназначались для сухопутной жизни) я все-таки выровнял свою тушу в водной толще.

Затем я взмахнул хвостовым плавником чтобы приостановить свое дальнейшее погружение. И у меня получилось! Переднюю часть тела я немного приподнял, и равнонаправленными движениями хвоста добился даже продвижения вперед и вверх, навстречу топящему меня потоку и давлению.

Через некоторое время я уже полностью овладел всеми мышцами своего самого массивного тела в мире! Отталкиваясь от затягивающих водяных пластов массивным хвостом, я все стремительнее поднимался к предполагаемой поверхности.

На этом метаморфозы с моим телом не только не кончились, но и приняли странный и более стремительный характер. Основание моего хвоста начало становится более тонким, а сам хвост длиннее. И еще, кажется, я начал быстро уменьшаться. Причем заметить это было не так уж и просто: вокруг не было никакого предмета или

существа, относительно которого можно было бы зафиксировать изменение моих размеров. Сплошная водная твердь, к тому же начинавшая понемногу темнеть. Кажется на поверхности наступала и ючь...

Наверное, Сознание, принадлежащее киту также таяло на глазах. И таяло оно не превращаясь в сознание другого существа, а просто таяло и все. Я еще усиленно махал своим хвостом, который становился тоньше и пластичнее, все больше напоминая корабельный канат. Из-за этого мое движение стало замедляться, я не мог уже надеяться на плотность окружающей среды. Трепыхающийся хвост становился еще тоньше, уже напоминая веревку. а вскоре и вообще — извивающуюся нить.

Нет, я не стал тогда какой-нибудь змеей, полозом или дождевым червяком. Все вышло куда занимательней! После кита я стал сперматозоидом!

Только вот воспоминаний об этом состоянии у меня практически не осталось. И это легко объяснить — какие еще воспоминания могут быть у обыкновенного сперматозоида?

Мое настоящее человеческое сознание, видимо, просто не выдержало всех этих метаморфоз и отключилось. И отключилось, видимо, на весьма продолжительный срок. Потому что следующим, хоть немного осознанным моим воспоминанием стали ощущения человеческого эмбриона в материнском чреве. Все правильно: как только не рожденное еще существо начало что-то чувствовать и хоть как-то осознавать окружающее — мне начали передаваться его ощущения. И, надо сказать, что ощущения возникли не сразу, а очень медленно вычленились из первобытного состояния космического начала.

Первым делом я почувствовал свою теснейшую связь с матерью. Можно сказать, что мы были единым целым. Но при этом у нас были абсолютно разные принципы существования. Я не дышал воздухом, находился в жидкой среде и был во всем зависим от тела своей матери. Затем,

по мере вычленения ощущений, я начал слышать ее голос, ощущать движения тела, шаги, поглаживания и прикосновения к животу, а затем даже чувствовать вкус пищи, которую она ела... Однажды, когда она купалась, я явственно ощутил через живот холод водяных струй и съежился от не совсем приятных ощущений.

Утроба защищала меня от чуждого мира как скорлупа. А женщина, вынашивающая меня казалась ангелом-хранителем и могущественным божеством. И в то же самое время это божество оставалось частью меня. Оно питало меня своей пищей, передавала свои ощущения. А что давал божеству я, кроме беспокойства, дискомфорта и отходов своей жизнедеятельности? Разве что положительные эмоции... Да и то — не факт. Не каждая женщина умиляется своему будущему ребенку. Бывают случаи проявления абсолютно иных чувств: ненависть, брезгливость или просто безразличие. Но в моем случае, кажется, все было нормально.

Вот подумалось: а что если такой же ангел-хранитель, как и вынашивавшая меня женщина, существует у нас при обычной, земной жизни? Он есть, но мы его не видим в силу слабой развитости мозга или органов чувств. И все время своей жизни мы не просто так живем, а готовимся к главному событию земной жизни — к своему настоящему рождению. Интересно, а неожиданная гибель в таком случае — это просто «выкидыш»? Или же досрочное «рождение» — всего лишь часть мимолетной прихоти могущественного божества, того самого ангела-хранителя?

Конечно, подобные мысли приходили в голову мне не в том внутриутробном состоянии. Они пришли намного позже и часто мучают меня до сих пор. Но я специально стараюсь не искать однозначного и прямого ответа на эти вопросы. Потому что прямой ответ может лишить смысла жизни не только вопрошающего, но и все существующее на Земле. И даже вне ее.

Что еще интересного происходило и как я себя чувствовал во внутриутробной жизни? Да ничего

хорошего, скажу я вам. Особенно для той части моего сознания, которая была исключительно моей, а не эмбриона. Будущий ребенок жил своей, абсолютно естественной для него жизнью, двигал ногами, зевал, спал; а для моей сущности в его теле окружающее было тюрьмой. Хорошо еще, что у моего сознания никогда не было клаустрофобии — боязни замкнутых пространств. Было бы вообще невыносимым такое совместное существование с начинающим свой путь сознанием не родившегося плода, в его хрупком скрюченном тельце.

Именно поэтому я с нетерпением и невероятной тяготой ожидал приближающиеся роды. Как заключенный, ожидающий скорого освобождения и не знающий, куда себя деть и как заставить время течь быстрее.

И вот в один из дней (или ночей — кто теперь точно скажет) они начались. Мое тело конвульсивно сжималось стенками матки со всех сторон, кроме одной, расположенной над моей головой. Точнее будет сказать — под моей головой, если учесть, что я был перевернут относительно внешнего мира вверх ногами. Но пока я в этот мир еще не появился, «место выхода» было в моем понимании все-таки вверху.

Мне трудно описывать весь этот долгий и мучительный процесс передвижения по упругой сжимающейся трубе. Дышать было трудно то ли от сильнейшего сжатия, то ли от страха окончательно застрять в этом беспомощном положении.

Но я все-таки не застрял и не задохнулся своими рвотными массами. Я родился! По крайней мере навсегда запомнился момент иссечения пуповины. Запомнилось, наверное, еще и потому, что далее все пошло отнюдь не так как это обычно происходит в подобных случаях. В тот момент, когда моя сущность открыла рот, чтобы, глотнуть воздуха и наораться всласть, (извещая мир о своем появлении), произошла вспышка — как беззвучный удар молнии — и я вынырнул из Озера Мудрости! А точнее

сказать — я просто вылетел из него как пробка из бутылки шампанского!

10.

Казалось, за время моего невероятного купания Захар давно ушел по своим делам, заработал огромную кучу золотого песка, состарился и умер окончательно. Но ничего подобного — он терпеливо ждал меня на берегу. И, судя по всему, на этой стороне поверхности Озера Мудрости время прошло не очень много. И да! Я наконец увидел его без всяческих усилий и фантазирования. Мы стали примерно равны по своим возможностям!

— Ну наконец! Как ты, в порядке? Рассказывай! — торопливо начал забрасывать меня вопросами уставший от ожидания приятель.

Я попытался ему ответить, но неожиданно понял, что не могу это сделать. Видимо, за время всех произошедших со мной перерождений, я потерял совсем недавно приобретенное умение общаться в этом мире. Или может быть что-то сбилось в настройках системы управления моим здешним телом? Я растерялся, и может быть поэтому не смог даже промычать ему в ответ. Я вспомнил рассказ Захара про человека с тремя кольцами. Тот человек искупался, но ничего ему не рассказал об этом, ушел восвояси. Может это не спроста? Может это мне такой намек или даже просто указание свыше?

— Мудрости с чужих слов много не наберешься! — совершенно неожиданно для себя четко и внятно озвучил я свои мысли. Это было неопишимо! Кто-то очень мягко и почти незаметно управлял мной. — Не бойся, ныряй, набирайся ума! — продолжал я ему советовать, до конца не понимая, сам это делаю, или кто-то мной руководит.

— Ты чего это? — уставился он на меня. — А вдруг что-нибудь случится нехорошее с мозгами? Ты вон, я смотрю, тоже какой-то странный вынырнул...

— Ну если боишься.

— Ничего я не боюсь! — с надрывом крикнул он и отчаянно ринулся в Озеро.

По поверхности пошли мягко искрящиеся круги. Я стоял и смотрел на место, куда нырнул Захар, мучительно соображая о сложившейся ситуации. Приобрел ли я какую-то особую мудрость после своего плавания? Или наоборот стал марионеткой в чьих-то невидимых руках? Для того, чтобы понять мне нужно, чтобы рядом был собеседник. А вместо этого я спровоцировал осторожного Захара на купание и остался тут один на один со своими страхами и догадками.

Я продолжал его ждать. Шло время, а над поверхностью озера разливалась баюкающая умиротворенная тишина. А потом начало происходить что-то неожиданное. Случилось то, чего я раньше здесь не видел, а точнее — не ощущал. От Озера повеяло самым настоящим холодом! А затем я увидел как густеет его поверхность, густеет и превращается в лед!

И тут подо льдом темным пятном, прямо недалеко от берега показался Захар! Лицо его было искажено, он явно хотел вынырнуть на поверхность, бился руками снизу о лед, что-то кричал, но звуки практически не доходили оттуда. Лед, ставший уже достаточно толстым, не выпускал Захара и заглушал его крики.

Я ринулся его спасать и начал биться об лед со своей стороны. Судя по крепости и нерушимости льда — шансов практически не было. Но я продолжал упрямо долбить. Тем более что передо мной, совсем рядом, по ту сторону прозрачного покрова беспомощно барахтался мой приятель...

И все-таки трагедии не произошло, как могло показаться сразу. Толщина ледяной кромки стала уменьшаться и прогибаться с моей стороны. Я увеличил интенсивность своих действий и это принесло свои плоды. Поверхность льда стала похожа на одну из сторон огромной плоской сосательной конфеты, по которой хорошо прошлись языком. Ну вы понимаете, как можно затереть «до дыр» поверхность сахарного петушка на палочке, купленного у бабушки около школы. Так произошло и здесь. Истончившийся лед треснул, как

скорлупа, и верещащий и матерящийся Захар выскочил на поверхность еще более резвой пробкой из-под бутылки шампанского, чем это было в моем случае.

Но увы, мне не пришлось услышать от приятеля благодарственных речей или рассказа о его подводном путешествии.

Он постоял немного, дрожа всем телом, затем швырнул в меня огромнейшей горстью золотого песка и крикнул:

— На, забери! Слышишь? Забери все, что я тебе должен! И не иди за мной! Чтобы не вздумал идти за мной! Понял?

И далее повторилась все та же знакомая ситуация, которую он сам же мне совсем недавно описал. Развернувшись, он на всех порах пустился в неизвестном мне направлении.

Больше я его не видел.

11.

Пребывать в одиночестве мне пришлось не долго. Вскоре я услышал быстро приближающийся звук, похожий на гудение высоковольтных проводов и характерные потрескивания. Через несколько минут передо мной появился источник этих звуков — два больших шарообразных темных комка. И сразу, без церемоний, они начали бить меня током, толкая друг на друга, громко что-то пища и потрескивая.

Было очень больно. Такой пронзительной и резкой боли я здесь еще не испытывал. Надо было собраться и дать какой-то отпор или попробовать удрать. Но сначала нужно было преодолеть первоначальную растерянность. Физически за них нельзя было ухватиться и тем более дать сдачи. Оставалось только извиваться, подставляя под удары менее чувствительные части тела.

«Кто вы такие? Что вам от меня нужно?» — Я кричал им эти слова, просил прекратить, но не было никакой ответной реакции.

Сквозь болезненные удары, градом сыпавшиеся со всех сторон, я начал понемногу применять свои навыки идентификации объектов. Но ничего рассмотреть сквозь темно-серую пелену их тел не удавалось. Меня не покидало ощущение, что у этих объектов вообще не было ничего человеческого. Все равно, что покрытые длинным жестким мохом куски наэлектризованного бетона с запрограммированной функцией уничтожения людей...

Тогда я попробовал сконцентрироваться на звуках, издаваемых нападавшими. Сначала, в треске и обрывающемся гудении я уловил интонацию вопросов. Они повторялись в определенном порядке, и чем-то определенно напоминали допрос. От меня хотели что-то узнать. Я еще глубже погрузился в расшифровку их треска, что было не очень просто, находясь в незавидном положении избиваемого.

Они спрашивали меня, злобно сопровождая каждый вопрос ударом. «Зачем .», «Почему ...» — сначала я смог понять только это. Я кричал им в ответ, чтобы они задавали вопросы по-другому, похожими словами, что я не могу понять смысл их треска. И, кажется, тут они среагировали. Я все больше и больше начал понимать, хотя в их грамматике тоже не ощущалось ничего человеческого.

«Зачем ты отдавал часть еды другому человеку, когда сам хотел есть?» УДАР!

«Почему ты тратил силы на помощь слабому, зная, что от этого тебе не будет никакой пользы?» УДАР!

«Зачем ты делал работу, за другого человека, хотя он тебя не просил этого делать, и пользу от этой твоей работы получал только он?» УДАР!

«Почему ты не подчинялся воле сильнейшего, и шел на неравное сражение, точно зная, что проиграешь?» УДАР!

Вопросы сыпались как пули из автоматического ружья, один за другим, но общий смысл у них был примерно одинаков. В общем-то и отвечать можно было не на каждый, а сразу на все. Одним ответом.

«Потому что меня так воспитывали с детства...» — начал я формулировать понятными им словами. «Потому что у нас так принято. Это так же естественно, как дышать. Мы это впитывали с молоком матери. Десять заповедей. Человеческая мораль и этика. Помогать слабому — это естественный признак развитого человека, а не дикаря. На этом строится прогресс. Если бы не самопожертвование, человечество бы так и осталось на пещерном уровне. На базе средневековой религии строилось образование, зарождался гуманизм.»

Удары прекратились.

«Ты врешь, человек! Это вы все придумали для каких-то других целей! Весь этот ваш гуманизм — был лишь маской, под которой прятались лицемерные

грешники по вашей же терминологии. Настоящих праведников были считанные единицы. И то, приличная часть из них были умалишенными, а остальных жестоко казнили! Ваш гуманизм ничем не помог, когда целый народ избрал психа предводителем, устроившим одну из самых кровавых войн в вашей истории. Практически весь народ его поддерживал, зная о существовании фабрик смерти, куда направлялись люди других наций. Туда же направлялись самые слабые, больные, не годившиеся для рабского труда. Народ знал и не задавал лишних вопросов — ему тоже могла перепасть бесплатная рабочая сила. И этот режим чуть не захватил целый мир. Что ему помешало? Кто остановил кровавого психа? Может быть гуманитарий Леонардо Да Винчи? Франциск Скорина? Христос? Нет! Его остановил другой тиран, казнивший сотни тысяч своих людей, загнавший в лагеря остальных, опустивший свой народ в болото животного страха и этим добившись беспрекословной дисциплины. Он менял массовое сознание своей идеологией, делал из людей зомби, чтобы легко армиями бросать навстречу пулям и снарядам своего хорошо вооруженного противника.

Прошло много лет, но до сих пор у власти страны — победителя люди, воспитанные на той самой идеологии трудовых и военных побед силами армий сотен тысяч зомби и миллионов боящихся наказания.

Ты заметил, что таких почитателей силы становится все больше и больше? Они готовятся к большой войне. Они считают что мировой кризис из-за таких гуманистов как ты. Что вам дали волю, а вы распоясались дальше некуда... Развели своим либерализмом бардак и падение нравов... Хорошо еще то, что ты свое в материальном мире уже отжил. Как и остальные подобные тебе... Вы все не очень-то жизнеспособны, слабое звено человечества. Умирающая неконкурентоспособная ветвь.

И они продолжили наносить мне удары, еще сильнее. Уже больше не спрашивая ничего. Как-то сразу стало понятно, что им со мной уже все ясно и теперь будут только добивать.

Я собрался с силами насколько это было возможно, и закричал:

— А что вы со своей цивилизацией? Вы, не знающие, что такое благородство. Как вы вообще развились? Как вы не перерезали друг другу глотки и не уничтожили всю свою планету со своей прагматичной злобой, достигнув средств уничтожения на атомном уровне?

Они остановились.

— Что такое уничтожение на атомном уровне? Ну вот... Сболтнул сгоряча. Эти психи захотели узнать от меня секрет ядерного оружия. Они, оказывается, его не знали. И начали бить снова. По сути — снова начали пытаться.

— Зачем вам это?, — кричал я им, сквозь сыпавшиеся на меня болезненные удары.. — Вы ведь уже умерли!

«Это ты и все ваше человечество умирает без связи с живущими потомками» — услышал я сквозь свирепое хрюканье. «Мы давно научились держать контакт с антимиром». Послышались нотки гордости и бахвальства.

Они сказали «антимир», или что-то в этом роде.

То есть, если разобраться, загробная жизнь — это пребывание в той части вселенной, где преобладает антиматерия. так вот где, возможно, я нахожусь!

Осенившему меня открытию, (не смотря на его парализующий эффект), очень мешали сыпавшиеся на меня удары. Кажется, они поняли, что я не смогу им объяснить технологию ядерного оружия, в связи с тем, что не являюсь специалистом, да и физику знаю только на уровне средней школы... То есть, меня еще спрашивали, но били нещадно, «на убой».

И может быть я бы уже сдался, свернувшись в клубок для окончательного умирания, если бы не новая информация про антиматерию и этот загробный мир...

А может быть это умирание и не будет окончательным? — родилось вдруг в моей голове. Куда уже хуже, когда тебя терзают миллионами вольт

бездрушные нелюди. У них ведь нет ничего человеческого. Ничего ведь не понимают в благородстве и любви. Кстати, любовь. Да, вот вам, ребята, любовь! Я вас люблю! Давайте, вбивайте мне ваши разряды, как гвозди в ладони. Я все равно вас люблю! Хотя вы даже и не кровь от крови моей. Я понял, что мне нужно их полюбить! Сам не понимаю, почему я это понял.

Вначале было сложно. Но я представил Марию, когда в минуты расслабления ее сознания, она обижала меня, мимолетным словом, жестом и взглядом. И преодолеть обиду на ее слова, жесты и взгляды могла только одна сила. Моя любовь!

Я начал любить их как свою жену. Обоих. За каждый удар. Ибо не знают, что творят. Откуда им узнать то, чего они лишены по закону развития их цивилизации? Откуда им узнать то, что никогда у них не появится из-за иной логики мышления.

Мне было все тяжелее и тяжелее.

Но потом произошел перелом. Сила ударов начала стихать, а я почувствовал себя уверенней в своих чувствах к этим несчастным!

И тогда раздался ядерный взрыв!

Или что-то похожее на него (как оценило мое измотанное вконец сознание).

Через некоторое время, когда рассеялась вся молекулярная пыль, я увидел воплощение своей победы. Свой триумф.

Передо мной лежали две огромные кучи золотого песка. Они не просто лежали, они медленно и победоносно перетекали в меня.

Единственное, что я смог сделать в этот момент — это заснуть или просто рухнуть, потеряв сознание, что в данный момент было практически равнозначным.

12.

Просыпаться победителем не трудно. По крайней мере, после того момента, как отойдет сон, пропуская вперед память о вчерашних событиях и осознание победы.

Когда я вспомнил все, произошедшее накануне и все обстоятельства своей неожиданной победы над носителями чуждого разума, состояние триумфа долго не отпускало меня. А может быть, кто-то мне помог? Какой-то невидимый но могущественный здешний вершитель судеб? Вот он, наверное, стоял в стороне, огромный и невидимый... Смотрел на нашу возню, на это ничтожное барахтание и думал: шевельнуть ли мизинцем ради спасения, или нет? А достоин ли этот субъект спасения? И вот, когда я начал от полнейшей безнадёги обидчиков своих «любить», взял и спас. И песочком золотым еще наградил от прилива чувств.

Так ли оно было, неизвестно никому.

Хорошим довеском к эйфории стало огромное количество золотого песка. Я чувствовал его, как хомяк чувствует две вчерашних кормежки за своими щеками. Только в моем случае это были не две кормежки, а несколько реалистичных снов. Может быть даже, несколько десятков.

А что, разве я не заслужил этого вида поощрения своим страхом и мучениями в драке с электрическими агрессорами? Конечно заслужил. И хотя формально было еще «утро», я начал инициацию сна. Меня со всех сторон разрывало чувство «немедленного поощрения». Я хотел окунуться в земную реальность и ощутить свои руки как живые. Это ведь так не передаваемо — чувствовать подушечками пальцев твердые предметы, и знать, что они не растворятся сразу за тем, как ты перестанешь поддерживать их силой своего сознания.

Если вначале мое положение в этом нереальном и расплывчатом мире казалось интересным и даже

забавным, то теперь оно мне порядком опостылело. Очень хотелось вернуться в земную жизнь. В конце концов, я это ведь заслужил... Заслужил же.

13.

Алекс проснулся и приоткрыл глаза.

Яркое утреннее солнце било в лицо, освещая обычно темную комнату, его спальню. Очень часто в такое время суток весной за окном громко поют птицы. Приятно иногда просыпаться под их пение прохладным майским утром.

Но сегодня, кажется, не май.

Да и солнечный свет падает под каким-то необычным углом. И потолок, знакомый до мелочей, трудно узнать. и книжный шкаф. и телевизор. и журнальный столик.

Да и сам он, черт подери, валяется одетый на диване в зале собственной квартиры!

До спальни, значит, вчера не дошел. Алекс поднял голову, и преодолевая свинцовую тяжесть в районе висков, обвел взглядом комнату. Ковер был скомкан и слегка запачкан. Далеко один от другого, как попало, валялись его ботинки. Тот, что около телевизора был почему-то зашнурован. Боже, что же было вчера? И как дойти до крана с водой? Во рту было сухо, в ушах противно звенело.

Он поднял руку и посмотрел на часы. Это что еще такое?

Семнадцать ноль три? Хотя да, солнце под таким углом в зале светит только во второй половине дня. Выходит уже вечерет. Ну что же было вчера? Или сегодня? Да, скорей сегодня... Алекс нахмурил брови.

Кряхтя он сел и опустил ноги на пол. При этом он ощутил тупую боль в правом боку. Морщась от этой боли, он снял основательно помятый костюм и стал развязывать галстук. Интересно, какой раз в жизни он спал в галстук? Первый? Второй? А может и несколько уже было — память занятных фактов из жизни не поддается математической статистике. Галстук развязывался с

огромным трудом. Из затянутой туманом памяти постепенно вырисовывались вчерашние события. Но, только вчерашние. После работы он встретился с друзьями Максом и Виктором в Зодчих, где за разговорами выпивали и закусывали. Все продолжалось не позже полуночи, после чего разъехались по домам на такси. А дальше был сплошной туман. Может он заснул в автомобиле. Но что было потом? Не мог же он проспать 17 часов? И эти ботинки... Никогда подобного перед сном он себе не позволял.

Мучимый этими вопросами, Алекс поковылял в ванную, чтобы привести себя в порядок. «Ну и видок у тебя» — говорил он своему отражению в зеркале. «Жалкое зрелище: будто неделю провел в концентрационном лагере». Он подставил голову под холодные освежающие струи, жадно глотая стекающую влагу.

Когда процесс приведения в себя подходил к концу и оставалось только побриться и почистить зубы, раздался телефонный звонок. «Кого там еще черти.» — проворчал Алекс, и с намыленным подбородком, в чем мать родила, направился к телефону.

В трубке была тишина. «Алло! Говорите! Говорите, я вас слушаю!» Громко и нервно прокричал он последние пару слов. Ответа не последовало.

Обдумывание непонятого звонка неожиданно прервалось скрипом двери спальни комнаты, до этого закрытой. Алекс замер, повернувшись в сторону спальни, где он до сих пор после пробуждения так и не удосужился побывать. Он был дома не один. По спине пробежали мурашки.

В дверном проеме показалась девушка лет двадцати, с ног до головы закутанная в его одеяло.

— Извините... я услышала голос... у вас найдется что-нибудь надеть? — смущенно потупив улыбающиеся глаза, спросила она. Не улыбаться было просто не возможно, глядя на голого худощавого Алекса с

вытаращенными глазами и пеной на подбородке, прикрывающего низ живота обеими руками.

— Конечно. э. будет. Я только. оденусь сам. И он бочком заковылял в ванную.

«Это что еще за явление? Откуда она здесь взялась?» мысли прыгали, мешая хозяину квартиры надеть брюки в ванной комнате.

«Кого ты еще привел?» — испуганно спрашивал он свое отражение в зеркале. Искренне недоумевающая физиономия напротив него не могла вразумительно ответить на этот вопрос. На несколько секунд Алекса даже оставило чувство реальности происходящего и он с трудом поборол в себе желание выскочить и посмотреть, не исчезла ли незваная гостья. Нужно было закончить приведение себя в более-менее презентабельный вид.

Гостья не исчезла, но это может и к лучшему. Теперь Алексу, как приличному человеку нужно сделать строгое лицо, и спросить, что делает в его спальней эта симпатичная молодая особа. Может это хоть что-нибудь прояснит. Она-то, наверное, будет в курсе событий, вылетевших у него из памяти.

Молодую особу звали Анжелика. В отличие от Алекса с его семнадцатичасовым пробелом в памяти, она вообще не могла вспомнить, кто она и откуда взялась. Как появилась в его квартире — не знает. Просто проснулась нагишом в его кровати. Такая вот небогатая версия последних событий выстраивалась по ее словам.

— Извините, может у вас найдется какая-нибудь одежда? Если даже мужская, ничего страшного... — очаровательные голубые глаза смотрели на него ласково, но в то же время требовательно. «Как смотрит цыпленок на того, кто оказался рядом с ним в момент появления на свет» — почему-то подумал Алекс и бросился к шкафу.

Пока она передевалась он курил на балконе «Нет, черт подери, надо выйти из этого ступора: ангел. спустился с неба. Надо просто сосредоточиться и прояснить, вспомнить наконец — откуда она могла

появиться. Нашел, может, на улице, пьяный дурак, приволок домой. Или сама привязалась, а теперь ваньку здесь валяет, несчастное дитя городских трущоб, голое и босое. Случалось не раз уже, когда и более небесные творения исчезали из квартир благодушных джентельменов с деньгами и фамильными ценностями» — Алекс потер ноющий бок. «Боже, что я несу... Хотя, быть с ней поосторожнее не помешает».

Каких либо признаков ее одежды в квартире не было. Передав ей одежду, он на всякий случай вытащил ключ от входной двери (проверив, что она заперта) и положил себе в карман.

Алекс затушил окурок и вошел в комнату. К этому времени Анжелика успела переодеться и теперь, стоя у зеркала, занималась собой.

«Ну дела.» — только и смог произнести хозяин, рассматривая свою гостью, переодевшуюся в наспех найденную старую одежду. Стройную и спортивную фигуру не могли испортить немного висящие мужские трикотажные штаны, закатанные чуть ниже колен и фланелевая рубашка в крупную клетку.

Она, несомненно была красивой: голубые глаза, прямые каштановые волосы до плеч, с правильными утонченными чертами лица. Небольшие ямочки на щеках, возникающие в момент, когда ее лицо озаряла улыбка.

Поймав его взгляд в зеркале, Анжелика спросила, нет ли чего перекусить, и Алекс двинулся на кухню делать кофе и бутерброды.

Через несколько часов, после захода солнца состоялся поздний ужин, во время которого они решили, что Анжелика останется жить у него. Взаимная симпатия обоих была настолько яркой и мощной, что данное решение просто необходимо было закрепить бутылочкой марочного вина, хранившегося у Алекса на всякий «особый» случай.

Напиток богов сделало свое дело, приятно подогрев кровь и расслабив наиболее скованные части тела и

сознания.

Они взялись за руки. Анжелика сказала, что тоже больше всего боялась потерять единственного знакомого ей в этом мире человека. И даже не просто знакомого, поскольку он стал для нее очень многим за то недолгое время после их встречи.

А дальше звезды за окном, полумрак и таинственный огонек небольшой свечи стали музыкой в молчаливом, но понятном диалоге двух людей на языке чувств.

Сначала Алекс побаивался своей партнерши, как бояться чего-нибудь неизведанного, не до конца понятного. Но она своей непосредственностью и простыми земными чувствами развеяла его сомнения. Они стали похожи на два равных по размеру ручья, которые объединившись в одну реку несутся горным потоком вопреки всем земным законам — вверх и вверх! И только там, на недостижимой высоте, откуда даже горы кажутся камушками у ног, они на несколько мгновений замерли перед порогом огромнейшего водопада, окруженного большими влажными облаками. Замерди, чтобы целеустремленно ухнуть вниз со страхом, захватывающим дух и бесстрашием, холодящим тело. С победным криком восторга и тихим дыханием нежности. И этот водяной поток, вмещающий два взаимосключающих начала, под действием давления и ветра, разделился на миллиарды абсолютно одинаковых маленьких капель. Но каждая состояла из двух равных частиц Его и Ее. И это было великолепно!

14.

Проснулся я там, где и засыпал — в этом чертовом беспредметном пространстве. И счастье, навеянное грезами, постепенно превращалось в недоумение и расстройство. И сознание будоражило множество вопросов.

Почему во сне ее звали Анжелика? Она же была так похожа на Мари. Но, все-таки, не она. Почему Анжелика? И, ведь, я ее полюбил там. Да и сейчас толком отойти не могу. Проклятие какое-то. Это можно считать изменой? Но ведь это просто сон. Конечно, очень реалистичный, но, все-таки сон. И он

не прервался неожиданно, как прерываются большинство снов. Возможно, не прервался, именно потому, что ему этого не хотелось. И оплата золотым песочком, по-своему, гарантировала качество.

Я полетел в сторону противоположную той, откуда явился. Ориентиром послужили два пятна золотистой пыли, оставшиеся от песочка. Если уж искать новые способы развития себя здесь, то, по логике, лучше это делать как можно дальше от места возникновения в этом мире.

Лететь пришлось долго в пустынном безмолвии. Ничего не попадалось на пути долгое время, практически целый день, полный мой период бодрствования. И только к тому времени, когда уже начинало хотеться спать, я увидел впереди какой-то полукруглый объект. Естественно, что я направился к нему.

С каждым отрезком расстояния во время приближения к обнаруженному объекту мое изумление увеличивалось.

Это была огромная медуза, плавающая в пространстве. Размером с микроавтобус.

Огромное овальное тело, напоминающее зонтик со свисающей бахромой колыхалась, ощущая себя, видимо, в морских волнах. Окраска существа была в основном белой, и только отростки снизу отдавали желтизной. Я хорошо помнил, что у земных особей данного вида там могут быть стрекательные клетки, наполненные ядом. Приблизиться очень близко не хотелось абсолютно.

Вскоре мои долгие созерцания медузовидного существа были прерваны громким басовитым покашливанием, исходящим от массивного тела.

Первым заговорил я.

— Здравствуй. Ты обладаешь человеческим разумом? Можешь говорить?

— Да! — помедлив немного произнесла Медуза.

— Ты была когда-то человеком?

— Нет!

— Ты давно в этом мире?

— Очень. В миллион раз больше, чем ты.

— Откуда ты знаешь, что я здесь не так давно?

— Тебя видно насквозь.

Я посмотрел на ее полупрозрачное тело и усмехнулся. В ответ мне раздался ухающий многотонный хохоток. Как минимум, Медуза читала все мои мысли и обладала самоиронией, а значит и мудростью.

— Знаю, что ты ищешь. А точнее кого.

— Можешь чем-то помочь?

Ответа долго не было. Огромное тело колыхалось. Слышались только мощные басисты вдохи и выдохи.

— Да. Но тебе может не понравится результат.

Я промолчал. Медуза, повздыхав, добавила:

— Однако, ты способен к развитию. Ты не окаменелый. И только поэтому я имею возможность и готова помочь. Если ты еще не передумал.

— Конечно нет! Заранее очень благодарю за помощь!

Медуза замерла, как будто подтянувшись и приготовившись к чему-то. Некоторое время ничего не происходило.

Затем в центре ее тела начали образовываться завихрения. Внутри созданного объекта, принимающего овальную форму, начало снежить, как это можно было увидеть в старых телевизорах с плохой антенной. Овальное пятно в бело-черных помехах росло, занимая собой уже почти половину тела Медузы.

Постепенно помехи таяли, являя мне картинку из плохого старого телевизора.

И я увидел Мари. Она была не одна. Рядом был мужчина. Они оба улыбались. И она смотрела на него влюбленными глазами. Меня просто

передернуло.

Тот мужчина был не я!

— Этого не может быть! Прекрати! Это какая-то подделка, фальсификация!

Ответом была тишина. Овальное пятно еще больше прояснялось и картинка увеличивалась в масштабах, показывая двоих людей с дальнего расстояния.

Они находились в этом мире.

На берегу Озера Мудрости.

Они обнялись и поцеловались.

Затем нырнули в него.

С разбегу, взявшись за руки... молодой красавчик, и моя Мари.

Моя?

Мне было очень больно. В районе сердца возник какой-то ноющий тяжестью и тупой болью гнойник, требующий срочного удаления.

— Я не верю в эту кинематографию! — орал я Медузе. Ты специально это все, чтобы вывести меня из себя!

В ответ мне была только тишина. Медуза вместе со своим телевизионным овалом начала таять на глазах. В течение нескольких секунд она исчезла. Никакого ответа и комментария.

От горя и гнева захотелось чем-то обо что-то стукнуть, с размаху разможжить, врезаться во что-нибудь.

Но ничего нет. Да и тебя, по-сути нет.

Твоя любимая счастлива, если правдой является то, что тебе показывали.

Даже, если не правда, это все настолько невозможно? После того, что я пережил и увидел в Озере Мудрости подобная ситуация не казалась мне абсурдной. А что я хотел? Чтобы любимая женщина навеки помнила обо мне, оказавшись в месте, где собственного тела нет, и приходится подсознанием собирать его по кусочкам каждую секунду существования?

Мне было плохо, и со всеми этими мыслями я летел, потеряв облик, куда-то вниз, без определенной цели, не имея ориентиров. Была огромная обида и злость в отношении Мари. Но мудрость из Озера, подобно меду, смазывающему горло, смягчало боль в раненых местах. Приходило понимание того, что ты не только копнул глубже, но и взлетел выше прежнего. Ты уже не тот подросток, который будет биться головой об стену из-за отказа во взаимности одноклассницы, которой даже не поцеловал.

Передвигаемся дальше.

Несколько дней горестного пути от себя и от всех. По-прежнему без четко определенного ориентира.

Мое движение заняло несколько дней. Никаких голосов и объектов на встречу не попадалось. Это помогло мне хорошенько переварить весь сумбур в мозгу. Можно

сказать, что мое сознание получило вакцину. И больше подобной болезнью я уже не заболею.

15.

Через несколько периодов сна и бодрствования, передвигаясь хаотично, большей степенью, вниз в долгой и нудной пустоте, я натолкнулся на объект, который меньше всего ожидал увидеть.

Это был телефон.

Обычный классический телефон середины двадцатого века, цвета слоновой кости, с дисковым номеронабирателем и трубкой, соединенной с корпусом мягким, завитым колечками проводом.

Он висел в пространстве, как здесь любят принимать положения практически все объекты. Размеры телефона были стандартные.

Естественно, что захотелось сразу же снять трубку и поговорить с невидимым собеседником. Кто бы он ни был! Одиночество и невозможность общаться в последнее время вызывали сильную подавленность и желание уйти в нибытие. Потухнуть.

Я приблизился к телефону.

Что я скажу человеку на той стороне провода? Кто это будет?

Раз телефон не звонит, значит нужно набрать чей-то номер. Я поднял трубку и набрал свой номер. Да, именно тот, свой домашний, который хорошо помнил наизусть.

Пошли гудки. Один, второй, третий, четвертый...

— Алло! — услышал я свой голос. Говорите! Говорите, я вас слушаю!

В ответ я только промолчал ошарашенно.

Это я там, из собственного сна, в котором есть Анжелика.

Это хороший сон. Это может быть даже не сон, поскольку там было все очень реально. И не прерывались

события внезапно, как это бывает во снах. И помнилось все очень хорошо. Это не сон. Я хочу туда. И силой всего накопленного золотого песочка, каким-то невероятным порывом, возникшим изнутри, я, по трубке, по всем извивающимся проводам перенес себя в то, что было мной на том конце телефонного провода. Успел, пока не пошли гудки отбоя.

Свершилось воссоединение.

Павел Лоскутов

2014-2020